

хороший друг был хороший художник – Акишин Леонид Ильич. Его несколько работ у нас в Русском музее есть. Вот. Потом был чудный совершенно такой человек... Тихонов Николай... Какое-то простое сочетание... Тихонов. Он был директором в Академии наук, когда нас еще, тогда в Академии... Он был директором лаборатории консервации и реставрации документов. Вот такой интересный... А хобби у него было... Он обожал духи. И на этой почве он с папой познакомился. И он всех своих знакомых женщин, он прежде всего проверял на их внутренний аромат, что называется (смеется). Вот. И всем женщинам советовал, какими духами она должна душиться. Ни какие-то покупные, он сам делал сочетания всякие... А папа его снабжал этими эфирными эссенциями, заводскими. Вот. Да, и тут как-то показали, и вот, Леонид Ильич Акишин по строительству, он написал его портрет, этого Тихонова. И где-то то, где-то мелькнуло, в какой-то передаче: показали эту лабораторию (она теперь, конечно, в Москве) и на стене висит портрет этой работы Акишина. Всё. Что я могу думать о Сталине, когда я всеми своими бедами обязана ему (опять возмущается вопросами).

Сталину?

Конечно.

А смерть какое на вас произвела впечатление, вот, его смерть?

Слава Богу! Слава Богу! (смеется)

А где вы были в то время?

В Сибири.

Там, где мама была в ссылке, да?

Да. Я была в Сибири по собственному желанию. У меня не было ссылки в приговоре. И просто, когда мама оказалась... А у неё был срок и плюс еще ссылка. И когда мама оказалась в Сибири, я поехала к ней, с внучкой, с дочкой. Застрыла там еще на девять лет.

(Продолжение записи через неделю, 19 мая 2004)

У меня умерла дочка, в 90-м году. И я... У меня всё умерло. Я не стала ни записывать, ничего. Жизнь для меня остановилась на этом. А так ...

А так писали, да?

Да, что-то такое... пыталась записать.

Но эти сохранились записки, они у вас есть?

Да, да.

Можно будет посмотреть?

Знаете, что...откройте, вот, в письменном столе... (достаю из стола несколько папок, долго их рассматриваем, находим несколько страниц машинописи с текстом воспоминаний Г.А.)

В какой период вы это писали?

... Этого я вам не скажу...

То есть у вас было желание записать мемуары, да?

Какие мемуары, Господи! Еще таким торжественным словом! «Мемуары»! Ха! Просто записки какие-то... воспоминания...

А мемуары и воспоминания разве не синонимы?

...

А стихи вы тоже писали?

чешка... Вот она любила готовить. Она всё готовила свои национальные какие-то блюда там... Всякие... Как они называются...? Сейчас уже не помню.

Ну, не важно. А мама не с удовольствием готовила, да? И вообще хозяйство ее тяготило как-то? Домашний быт?

Просто совершенно постольку-поскольку... проходило это. Нужно было – это делалось.

А вот на какие-то большие компании, которые у вас собирались, мама тоже сама готовила?

Ставилась... (Усмехается.) В середине стола ставился таз с винегретом... и народ с удовольствием этим утешался.

А вот как мама относилась к борьбе женщин за свои права? Она не была феминисткой?

О, господи! Конечно, нет. Боже! Какие права! Нет. Была аморфная компания. Не политическая?

Нет.

Не политизированная. Понятно. А вот все-таки? Восьмое марта отмечали?

Ну, что вы!

Нет?

Конечно, нет.

А вот вы чувствовали, что у вас в достатке дом или все-таки вы бедствовали?

Мы не бедствовали. И не были в достатке. Очень скромно жили. У папы был очень небольшой оклад. Что-то такое..., я уже забыла... 600 рублей, по-моему. Жили очень скромно. Очень скромно. Долги вечные были.

А если сравнить с вашими соседями в Доме политкаторжан или где-то там, где вы жили сначала на Васильевском, то вы как-то выделитесь или были такие же как все?

Конечно, такие как все. Такие же скромные.

А скромность эта была близка к аскетизму? Или просто скромность была вынужденной?

Вынужденной, конечно. Просто вынужденная.

А вы говорили, что папа любил сам делать ремонт, и что он любил красить стены в разные цвета?

Это, да. Это просто... Как это сказать... Из любви к искусству. Он любил.

А дом вы как-то украшали, вот, кроме того, что папа привозил всякие растения? Или что он привозил? Что вы находили там, где-то за городом выращивали? Это у вас росло на балконе, наверное, да?

Да. Среди наших друзей был художник. Акишин. Леонид Ильич. Портретист. Его работы есть в Русском музее. И вот его работы были у нас в доме. Был чудный портрет. Тихонов. Это был... В общем... Это руководитель лаборатории консервации и... чего-то еще... документов... Это был профессор Тихонов, руководитель лаборатории консервации и чего-то еще... документов. И вот его портрет работы вот этого Акишина был у нас. Прекрасный, хороший портрет. Потом был очень хороший портрет... Был такой Грабач. Леонид Грабач. Он писатель был. Вот. И портрет работы вот... Леонида Ильича тоже висел у нас на стенке. Мамин портрет великолепный был. На... (неразборчиво) Кто-то приложил к этому руку.

То есть всё это исчезло, да?

... (без ответа, кивает)

А папа маму фотографировал? Вот вы говорили, что он был хорошим фотографом. Даже ездил в экспедицию как фотограф.

Да.

Вас и маму он фотографировал?

И как-то так красиво... И, собственно, женщину мы не видим, а только вот эту ее прядь волос на его руке. Его спина... И какие-то там внизу ракушки... Мы видим, что это море, и вот стоит этот обнаженный человек и где-то рядом с ним женщина. Это такое солнечное.... Такое нарядное! Так что были у нас картины.

А кто их покупал? Чья это была инициатива?

Папа. Это он... любитель был. Стоило очень дешево.

Папа был эстетом?

Почему эстетом? Просто человек, который любил красивые..., даже не то, что красивые, а просто любил нарядные вещи такие.

А в одежде он тоже как-то выделялся, ваш папа?

У папы было два костюма. Был коричневый зимний и серый летний. И всё. Он приходил с работы. Снимал с себя этот коричневый костюм, вешал на спинку стула. Обходил, смотрел на него, говорил: - Боже мой! Это в какой я рвани хожу! А потом снова... встряхивал, одевал... У него была такая легкая фигура, подвижная, что не было ощущения, что он бедно одет. А мама сама себе шила. Она хорошая была портниха. Сама себе шила. И она очень интересная женщина была и поэтому ее платья были очень нарядные.

А вам она тоже шила?

Наверное.

А какие у вас моральные принципы были в семье? Какими людьми вы должны были вырастать в идеале?

Хорошими!

Какие качества ценились в людях?

Какие качества? Во-первых, отзывчивость и бескорыстие. У нас никто никому не завидовал, не поощрял никаких там... И доброта. Доброта. Папа был очень добрый человек. Про него говорили: - У Адасинского нет врагов. От него исходило такое излучение доброты такой. Мой Антошка похож на моего папу.

А папа с мамой любили друг друга? Это ощущалось у вас в семье?

Наверное. Скандалов у нас в доме не было никогда. Спокойная обстановка. И книги. Книги разные. У нас было много книг. И мы несколько раз теряли свои книги. Первый раз, когда нас выслали из Ленинграда. Мы запихали... Ничего не смогли с собой взять, только книги. Несколько ящиков книг, самых наших любимых и дорогих. Вот. Потом, когда нас снова загнали куда-то, снова книги пропадали. В общем, теряли мы много книг, и об этом я жалела всегда больше чем о каких-то наших тряпках... Все-таки книги было жалко. Потому что я понимала, что мы их не восстановим.

А для родителей было важно, чтобы вы хорошо учились?

Это было само собой разумеющимся.

Но они следили за вашими успехами в учебе?

Ну, во всяком случае, в школу меня не вызывали.

А вы их часто видели? Или отец много работал, вы его видели только поздно вечером?

Да, я его видела мало. Но зато все выходные дни... Мы с ним за город часто ездили. Вот я сейчас вспоминаю, и не могу вспомнить... Мы с ним были как-то равнодушны к театру... К музыке, к концертам. Это мы в филармонию, это мы очень часто участвовали в этих концертах. А вот к театру были равнодушны.

А все вместе ходили в филармонию? С мамой тоже? Или только с папой?

Чаще с папой. Этот самый художник, Леонид Ильич. Акишин. У нас был знакомый искусствовед. Грузин по национальности он. Ярослав Петрович такой. И он... Мама себе сшила платье. Красивое такое. Темно-синий материал такой, однотонный. И Леонид Ильич написал для этого платья рисунок грузинский. Вы знаете грузинский

шрифт? Представляете себе? Красивый такой, крючки... Написал маме... Расписал платье этим вот грузинским шрифтом. Мама вышила. Это было очень нарядно. На темно-синем такая нитка... И мама пару раз сходилась в этом платье в театр. Потом пришла домой и стала мне: - Черт его знает! Что Леонид, что Ярослав, они могли просто нахулиганничать и написать текст на грузинском языке, но что-нибудь неприличное! Я же не могу прочитать! И может быть, вокруг меня ходят люди, которые знают грузинский язык и диву даются, что вроде приличная женщина и носит на себе грузинскую матерную ругань. Так вот! Вообще писал он мало... Вот этот Ярослав Петрович погиб... в 1937. А Акишин попал в ссылку. Он был хороший художник, у него были очень большие такие заказы интересные... И вот у него был большой заказ, дорогой. Он писал портрет Сталина. Причем этот портрет был такой, парадный. Для Политехнического института. Для парадного входа в Политехнический институт. Сталин на шагу... Так это шагает... И вот, в общем, это был очень дорогой заказ. Он хорошо на нем заработал. И этот портрет должен был висеть на парадном входе в Политехнический институт. А эти портреты такие, их принимала правительственная комиссия. И вот этот портрет комиссия стала принимать и не понравилось. Там слишком подчеркнуты были национальные черты. Он же вождь всех народов! А тут вдруг стало видно, что это грузин. И в общем портрет повесили не на парадном входе, а где-то сбоку, но тоже на видном месте таком. Акишин был страшно этим оскорблен. Он был пьяницей, как все художники. И выпив, он сидел и орал: - Сталина не так повесили! Не так Сталина повесили! И за эти его слова его отправили в ссылку в Казахстан. Но ничего не сделали с ним дурного. И он вернулся в Ленинград уже больной совершенно, старый. Но за «Сталина не так повесили» он ответил. Вот такие дела.

А для родителей было важно, чтобы вы вступили в пионеры и чтобы вы стали комсомолкой?

Это как-то само собой тогда делалось.

А не было у вас такого ощущения, что дома вы чувствовали себе свободнее, чем, например, в школе?

... (без ответа)

Разницы по открытости, по степени открытости не было между школой и домом?

Нет. Когда арестовали папу... Это было 12 февраля 38-го года. Я тут же подала заявление в комсомольскую организацию: «Прошу разобраться». Назначили общешкольное собрание комсомольское. Приехал какой-то деятель из райкома... И начинает... Ведет, ведет... - Ты тоже пойдешь по преступному пути своего отца? Я сказала, что никто еще не сказал, что мой отец преступник... Вот. И кто-то встал из ребят из моего класса и сказал, обращаясь к этому райкомовскому деятелю: - Если Адасинскую исключают из комсомола, мы все уйдем из комсомола. Этот фрукт вскочил, красный как помидор: - Это что такое?! Отсутствие бдительности! В общем, такой переполох! Но факт тот, что меня не исключили из комсомола. Не исключили. И когда меня арестовали, следовательно не верила своим глазам, держа в руках мой комсомольский билет.

А брат был пионером в это время?

Брат? Да.

А его не исключали из пионеров, не помните?

... (без ответа)

А бывало такое, что папа или мама были чем-то огорчены из-за вашего поведения?

Что-нибудь вы не так сделали? Что их могло раздосадовать?

Что могло раздосадовать...? Не знаю. ... (неразборчиво)

А у вас у каждого были свои комнаты?